

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2025, Том 16, № 4 / 2025, Vol. 16, Iss. 4 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2025.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/12FLSK425.pdf>

DOI: 10.15862/12FLSK425 (<https://doi.org/10.15862/12FLSK425>)

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Селеменова, О. А. Лексико-семантическая группа фитонимов «Хвойные деревья» в лирике И.А. Бунина / О. А. Селеменова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2025. — Т. 16. — № 4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/12FLSK425.pdf>. DOI: 10.15862/12FLSK425.

For citation:

Selemeneva O.A. Lexical-semantic group of phytonyms «Coniferous Trees» in I.A. Bunin's lyrics. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2025;16(4): 12FLSK425. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/12FLSK425.pdf>. DOI: 10.15862/12FLSK425. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 811.161.1

Селеменова Ольга Александровна

ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина», Елец, Россия
Профессор кафедры «Русской филологии и журналистики»

Доктор филологических наук, доцент

E-mail: ol.selemenewa2011@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0488-8428>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=513229

Лексико-семантическая группа фитонимов «Хвойные деревья» в лирике И.А. Бунина

Аннотация. В статье поднимается проблема писательского языка Бунина-художника, в частности выбора фитонимического инструментария в индивидуально-авторской картине мира. Ее актуальность объясняется многолетним интересом филологов к идиостилю И.А. Бунина; особой значимостью изображения пейзажа в его художественном наследии; фрагментарностью уже имеющихся научных описаний авторского выбора лексических средств для экспликации внешнего природного мира. Цель статьи — выявить состав единиц лексико-семантической группы «Хвойные деревья» в лирике И.А. Бунина и установить особенности их синтагматических связей в контекстах. Материалом исследования послужило научное издание поэзии И.А. Бунина (2014 г.). Авторскую картотеку примеров сформировали 237 фитонимов, извлеченных из собрания сочинений методом сплошной выборки. Установлено, что фитонимическая система Бунина-поэта включает 22 лексико-семантические группы фитонимов, одной из которых выступает «Хвойные деревья». Состав анализируемой группы сформирован 10 однословными лексемами (ель, елка, елочка, кедр, кипарис, купарис, лиственница, пихта, сосна, тис) и 1 билексемой (маги-кипарисы). Между ними отмечены отношения вариантности и производности. Наиболее частотными в плане реализации в бунинской поэтической речи являются лексемы сосна, кипарис и ель. В стихотворных контекстах фитонимы рассматриваемой группы вступают в синтагматические связи с определенным кругом субстантивной, атрибутивной и глагольной лексики. Выявлена сочетаемость фитонимов с существительными, реализующими переносные значения; прилагательными с семами 'цвет', 'эмоция', 'запах' и др.; глаголами со значением состояния, положения в пространстве, речемыслительной деятельности и др. Автор приходит к выводу, что отмеченная комбинаторика единиц свидетельствует о реализации на уровне использования

фитонимического инструментария нескольких характерных для бунинского идиостиля приемов: акцентуация деталей, антропоморфизация природы, цветопись и синестезия.

Ключевые слова: И.А. Бунин; поэтический язык; фитоним; референт; лексико-семантическая группа; флорообраз; синтагматическая связь

Введение

Актуальность проблемы художественного языка И.А. Бунина, который на рубеже XIX–XX веков «на богато расписанное льняное полотно русской культуры» своим «уверенным словом, морозными зорями и медовым разнотравьем нанес авторский принт» [1, с. 7], несомненна: ведь она находится в центре филологических исследований отечественных и зарубежных ученых уже более 60 лет. Некой отправной точкой, вероятно, можно считать 1961 год, когда в печати вышла статья Грановской Л.М. «Из наблюдений над языком И.А. Бунина (О некоторых особенностях употребления определений-прилагательных)» [2]. С тех пор, согласно опубликованному библиографическому указателю «Лингвисты о языке И.А. Бунина» (научный редактор — проф. Р.И. Хашимов), аккумулирующему научные публикации по лингвистике и смежным отраслям (стилистика, поэтика, транслатология текста и др.) со второй половины XX в. до 20-х гг. XXI в., к языку писателя обращались авторы более 200 диссертаций, 150 книг, 1 500 статей, 21 словаря.¹ В поисковой системе Google Scholar (Академия Google) только за период с 2020 г. по 2025 г. на поисковый запрос «язык Бунина» мы получаем 15 500 результатов.²

Анализируя фонику, лексику, фразеологию, грамматику бунинской прозы и поэзии, в частности диалектизмы, колоративы, экзотизмы, эмотивы, топонимы, систему тропов, качественные наречия, глагольные формы, антитетичные конструкции, единицы с логически несовместимыми компонентами, номинативные предложения, рефлексивы и т. д., лингвисты определяют особенности идиостиля Мастера: использование традиционных звуковых пар и цепочек, а также традиционных тропов с возможным их дальнейшим варьированием, переосмыслением [3]; лирическая тональность;³ достоверность этнографического материала [4] и документальность текстов, выражающаяся в исключительной конкретизации места [5]; перцептивная изобразительность [6] и развитие ассоциативности на основе визуальных, слуховых, обонятельных характеристик [7; 8]; связь метаязыковых комментариев с интертекстом [9]; избегание словотворчества, но включение экспрессивных словообразовательных средств [10]; отсутствие громоздкости синтаксических конструкций [11]; мультимифологизм [12] и др.

Оригинальность манеры письма и мастерское владение языком позволили И.А. Бунину в полной мере запечатлеть в слове, с одной стороны, скрытый, духовный, глубоко личностный мир человека, с другой — внешний, окружающий мир. Значимой частью внешнего мира художественной парадигмы писателя выступает мир природный, который формируется всем корпусом авторских текстов, всеми многообразными лексическими средствами, привлекаемыми для его создания [13]. Среди таких средств особое место отведено фитонимам. На данный момент можно выделить три основных направления разработки вопроса о фитонимическом инструментарии Бунина-художника: выявление традиционных («готовых») и оригинальных авторских наименований растений, своеобразие их стилистического функционирования,

¹ Лингвисты о языке И.А. Бунина: библиографический указатель / Составители У.И. Турко, Р.И. Хашимов; отв. ред. Р.И. Хашимов. — Елец: ЕГУ имени И.А. Бунина, 2020. — 203 с.

² Язык Бунина — Академия Google. — URL: <https://scholar.google.com/> (дата обращения: 04.10.2025).

³ Краснянский В.В. Словарь эпитетов Ивана Бунина: Около 100 000 словоупотреблений. — М.: Азбуковник, 2008. — 776 с.

участие в образовании тропеических фигур (*береза, дзариг, вайя, мурава, остинки, роговик* и др.) [3; 13; 14]; установление роли фитонимов в репрезентации некоторых ключевых концептов типа «Природа», «Пейзаж», «Сад» в языковой картине мира писателя⁴ [15]; инвентаризация фитонимов писательского языка, определение ключевых принципов и связей, упорядочивающих и организующих номинации растений в систему [16].

Однако несмотря на несомненный интерес лингвистов к фитонимической лексике она изучена еще недостаточно хорошо: не рассмотрен состав конкретных лексико-семантические группы в лирике И.А. Бунина, не проведена таксономия фитонимов всего художественного наследия писателя, мало исследованы контекстуальные связи фитонимов как в поэтических, так и в прозаических текстах, отсутствуют сопоставительные исследования фитонимической системы И.А. Бунина и других авторов.

Мы предполагаем своей работой частично заполнить образовавшуюся лакуну в научном описании фитонимического индивидуально-авторского инструментария. Ведь *цель* статьи — выявить состав единиц лексико-семантической группы «Хвойные деревья» (далее — ЛСГ) в поэзии И.А. Бунина и установить особенности синтагматических связей конкретных номинаций растений.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужило двухтомное собрание поэтических текстов И.А. Бунина под ред. проф. Т.М. Двинятиной [17]. Обращение именно к указанному изданию объясняется тем, что оно является научным, предполагающим специальную подготовку текстов, учет редакций и вариантов, аргументированную датировку, введение архивных материалов и т. д.

Методом сплошной выборки из включенных в указанное издание стихотворений было извлечено 237 фитонимов. Если сравнивать полученный результат с указанным А.С. Кулевой числом номинаций растений в сводном «Словаре языка русской поэзии XX века», то можно заключить, что выделенный массив лексических единиц свидетельствует об объемности фитонимикона Бунина-поэта по сравнению с другими авторами. Словарь, отражая «через призму поэтического языка словоупотребление первой половины XX в.» [18, с. 62] и охватывая художественные лексиконы И.Ф. Анненского, А.А. Ахматовой, А.А. Блока, С.А. Есенина, М.А. Кузмина, О.Э. Мандельштама, В.В. Маяковского, Б.Л. Пастернака, В. Хлебникова и М.И. Цветаевой, включает (для сравнения с нашими данными по лексикону И.А. Бунина) немногим более 500 номинаций растений, «которые описаны в 627 словарных статьях» [18, с. 63].

К собранному языковому материалу применялись следующие методы: *описательный*, используемый при первичном анализе и изложении полученных при изучении фитонимов текстов И.А. Бунина данных; *дистрибутивный*, применяемый для выявления синтагматической сочетаемости фитонимов в поэтической речи; *метод компонентного анализа*, который помог установить семный состав значений фитонимических единиц; *лингвостатистический метод*, позволивший выявить количество контекстных реализаций фитонимов рассматриваемой ЛСГ и сопоставить полученные количественные данные с данными Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) и данными словаря языка писателя.

⁴ Богданова Н.В. Лексическая экспликация концепта «Природа» в раннем творчестве И.А. Бунина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2007. — 20 с.

Состав ЛСГ «Хвойные деревья» в поэтических текстах И.А. Бунина

Все собранные из поэтических текстов И.А. Бунина фитонимы были классифицированы на 22 лексико-семантические группы [см. подробнее: 16], среди которых отмечена ЛСГ «Хвойные деревья». Она сформирована единицами с интегральной семой 'с хвоей' и разнообразными дифференциальными семами типа 'внесезонность / сезонность хвой', 'наличие / отсутствие шишек', 'форма хвой', 'размер шишек', 'форма шишек', 'семейство (сосновые / кипарисовые / тисовые)', 'форма кроны' (конусовидная / пирамидальная / зонтиковидная и др.), 'место произрастания', 'стоимость породы дерева' в значениях:⁵ *ель* («высокое вечнозеленое хвойное дерево семейства сосновых, имеющее крону конусообразной формы и длинные чешуйчатые шишки»); *кедр* («хвойное вечнозеленое дерево семейства сосновых»); *кипарис* («южное вечнозеленое хвойное дерево, обычно с пирамидальной кроной»); *лиственница* («хвойное дерево семейства сосновых, с мягкой, опадающей на зиму хвоей и прочной ценной древесиной»); *пихта* («вечнозеленое хвойное дерево семейства сосновых, с плоской хвоей и крупными, прямо стоящими шишками»); *сосна* («вечнозеленое хвойное дерево с длинными иглами и небольшими округлыми шишками»); *тис* («высокое вечнозеленое хвойное дерево с ценной твердой древесиной, растущее в районах с теплым климатом»). Например: «Вечернее зимнее солнце / И ветер меж *сосен* играют...» [17, с. 260]; «Уж видна / Тень *кипариса* у балкона» [17, с. 23].

Из представленных фитонимов лексема *ель* обнаруживает в этой же ЛСГ, а также в ЛСГ «Растительные сообщества» первичные и вторичные производные, уменьшительно-ласкательные формы, связанные с ней как исходной формой отношения словообразовательной мотивации и находящиеся в одном словообразовательном гнезде: *елка* (разг. «то же, что *ель*»), *елочка* (уменьш.-ласк. «молодая елка»), *ельник* («еловый лес»), *ельничек* (уменьш.-ласк. к *ельник*). Например: «...А по *елкам* мелькает, сверкает — сорока» [17, с. 305]; «...Как вышки, *елочки* темнеют...» [17, с. 189]; «Темный *ельник* снегами, как мехом, / Опушили седые морозы...» [17, с. 101] и др.

Отметим, что в стихотворных контекстах вместе с фитонимом *кипарис* функционирует диалектизм *купарис*, зафиксированный, по данным «Словаря русский народных говоров», в 1901 г. в Болховском уезде Орловской губернии,⁶ что еще раз свидетельствует о тематическом разнообразии диалектной лексики художественных текстов И.А. Бунина, о котором писала И.М. Курносова, анализируя функционирование диалектизмов в прозе писателей Центрального Черноземья [4, с. 59]. Ср.: «По горам, по цветущим холмам / *Кипарисы* толпятся по скатам» [17, с. 118]. — «...На тех ли *купарисах* птицы веющие / С очами дивными и грозными...» [17, с. 184]. Наряду с однословными литературным и нелитературным вариантами фитонима *кипарис/купарис* в стихотворении «Склон гор» обнаруживается билексема *маги-кипарисы*, т. е. сложная единица, состоящая из двух цельнооформленных слов, которые, соединяясь аналитическим способом, имеют синкретичное значение: «Свечой желтеет минарет, / Чернеют *маги-кипарисы*...» [17, с. 294]. В соответствии с признаком слитности компонентов ее можно отнести к группе билексем-сочетаний [см. подробнее: 19], поскольку она образована

⁵ На основе дефиниций фитонимов в следующих словарях: Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Все живое. Земля. Космос) / РАН, Ин-т рус. яз.; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: [б. и.], 2002. — Т. 1. — 807 с.; Словарь русского языка: В 4-х тт. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 1: А-Й. — 702 с.; Т. 2: К-О. — 736 с.; Т. 3: П-Р. — 750 с.; Т. 4: С-Я. — 797 с.; Журавлева Г.С., Хашимов Р.И. Словарь языка поэзии Ивана Бунина: в 2 ч. — М.: Азбуковник, 2015. — Ч. 1: А-О. — 790 с.; Ч. 2: П-Я. — 792 с. Далее — СЯПИБ.

⁶ Словарь русский народных говоров. Вып. 16: Куделя — Лесной / Гл. ред. Ф.П. Филин. — Ленинград: Наука, 1980. — С. 99.

семантически и логически разнородными компонентами, один из которых выражает прямое значение, другой — переносное (*маг* — ‘о растениях: создающие чарующую, волшебную атмосферу окружающего мира’). Подобные единицы являются «окказиональными в том плане, что всегда связаны с текстом и их автором» [19, с. 72]. Благодаря использованию билексемы *маги-кипарисы* в сознании читателя формируется целостный флористический образ, опирающийся на фоновые знания интерпретатора текста, его эмоциональное состояние, опыт и эстетический вкус.

Количество контекстных употреблений фитонимов ЛСГ «Хвойные деревья» разное, о чем свидетельствуют данные нашей картотеки примеров, НКРЯ и СЯПИБ, представленные в *таблице 1*.

Таблица 1

Частотность фитонимов ЛСГ «Хвойные растения» в стихотворениях И.А. Бунина

№	Фитоним	Авторская картотека	НКРЯ ⁷	СЯПИБ ⁸
1	<i>ель</i>	19	28	22
2	<i>елка</i>	8	9	8
3	<i>елочка</i>	2	2	2
4	<i>кедр</i>	6	17	19
5	<i>кипарис</i>	20	20	25
6	<i>купарис</i>	3	3	
7	<i>лиственница</i>	1	2	2
8	<i>маг-кипарис</i>	1	0	1
9	<i>пихта</i>	3	3	4
10	<i>сосна</i>	36	60	64
11	<i>тис</i>	1	1	1

Разработана автором

При сравнительном анализе отмеченные расхождения результатов нашей картотеки, НКРЯ, СЯПИБ объясняются двумя причинами:

- разным количеством стихотворных текстов автора, положенных соответственно в основу авторской картотеки (965 стихотворений из 2-томного научного издания под ред. Т.М. Двинятиной); поэтического подкорпуса НКРЯ (767 бунинских текстов, 80 276 слов из издания «Стихотворения. Библиотека поэта» (Л.: Советский писатель, 1956)); СЯПИБа (количество обработанных текстов не указано, но указано количество словоупотреблений (свыше 105 000) и источник материала (9-томное собрание сочинений, осуществленное в соответствии с прижизненными публикациями писателя (М.: Художественная литература, 1965–1967));

- тем, что из поэтических переводов, выполненных И.А. Буниным (поэма Г. Лонгфелло «Песня о Гайавате», **стихотворения А. де Мюссе, Леконта де Лиля, А. Мицкевича, Т.Г. Шевченко** и др.), мы языковой материал не собирали, а и в НКРЯ, и в СЯПИБ все употребления фитонимов в переводных контекстах тоже учтены.

Несмотря на указанную разницу полученных результатов очевидно, что наиболее продуктивными фитонимами ЛСГ «Хвойные деревья» в поэтическом языке И.А. Бунина являются три: *сосна* (36/60/64), литературный и диалектный фонетические варианты *кипарис/купарис* (суммарно 23/23/25) и *ель* (19/28/22).

⁷ Поэтический подкорпус. Бунин. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=Cn0SRgpEEkIKDwoDbGV4EggKBtC10LvRjAoKCgRmb3JtEgIKAAoLCgVncmFtbRICCgAKCQoDc2VtEgIKAAoLCgVmbGFncxICCGAiGgoYChYKBmFIdGhvcmlMCgrOkdGD0L3QuNC9KhAKCgAEAAoYMiAKIABABXgBMgIICToBAQ%253D%253D> (дата обращения: 09.09.2025).

⁸ См.: Журавлева Г.С., Хашимов Р.И. Словарь языка поэзии Ивана Бунина.

Синтагматика номинаций растений ЛСГ «Хвойные деревья» в поэзии И. А. Бунина

Выделенные фитонимы в бунинской поэтической речи вступают в синтагматические отношения с широким кругом лексем, но прежде всего с именами прилагательными, несущими в семемах определенные семы: 'цвет' (зеленый, темно-зеленый, темный, черный, смольно-синий), 'эмоция' (горестный, траурный (перен.) в значении «печальный, мрачный», угрюмый), 'запах' (благоуханный, пахучий), 'возраст' (столетний), 'содержащий какое-л. вещество' (смолистый), 'с приятным очертанием' (нежный), 'место' (горный), 'с наростами' (корявая), 'с правильными пропорциями' (стройная). Например: «**Темный кедр** растет среди долины...» [17, с. 244] или «*И в шорохе глухом и гуле **горных сосен** / Я чувствую тоску их безнадежных дум...*» [17, с. 188].

Из перечисленных атрибутивных лексем излюбленными бунинскими сочетаниями выступают «колоратив + фитоним ЛСГ “Хвойные деревья”». В целом использование колоративов в соединении с фитонимами называют характерным бунинским приемом. Считается, что подобная комбинаторика позволяет изобразить внешний мир в динамике, когда каждое время года «характеризуется набором примет, через которые дается их конкретизация» [20, с. 80]. Однако данный тезис о демонстрации подобными атрибутивными сочетаниями смены периодов осенне-зимней стагнации весенне-летним торжеством жизни не применим, на наш взгляд, для флорообразов хвойных деревьев, которые в большинстве своем не сбрасывают иглы, оставаясь постоянно зелеными. У Бунина-поэта, скорее, благодаря перечисленным колоративам, фитонимы ЛСГ «Хвойные деревья», наделяясь темной символикой (смольно-синий кипарис, черные купарисы, черные ели и сосны, темно-зеленые пихты и ели, темный кедр и др.), помогают выстроить небесно-земную вертикаль и запечатлеть «мгновения текущего времени с позиций вечности» [21, с. 23]. Номинации хвойных деревьев, согласуясь с признаковыми лексемами, представляющими темные оттенки зеленого, обычно на уровне микроконтекста стихотворений ситуативно связаны с номинациями других объектов, явлений действительности, тоже распространяемыми колоративами, которые коррелируют или, напротив, контрастируют с цветом хвои: *золотой иконостас заката, золотой рог месяца, белый саркофаг, красный закат, синее небо, белый снег* и др.: «**Черные** ели и сосны сквозят в палисаднике **темном**: / В **черном** узоре ветвей — месяца рог **золотой**» [17, с. 301]. Так пейзаж Буниным-поэтом создается с использованием определенных базовых цветов палитры: зеленый, черный, белый, золотой, реже — синий и красный.

Сочетаемость фитонимов ЛСГ «Хвойные деревья» с определенными признаковыми лексемами помогает читателю извлекать и интерпретировать глубинные смыслы бунинской поэзии. Например, флористический образ одиноко стоящего за окном «*черно-зеленого конуса ели*» в стихотворении «Сапсан» (1905 г.) вырастает в символ одиночества и тоски лирического героя; а «*кипарис благоуханный*» в стихотворении «И снова вечер, степь...» (1916 г.) и «*ель смолистая*» в стихотворении «Сириус» (1922 г.) становятся символами счастливых лет ушедшей молодости, туманных следов прошлого, воспоминаний, еще томящих душу.

Круг имен существительных, с которыми сочетаются фитонимы ЛСГ «Хвойные деревья», достаточно ограничен по сравнению с атрибутивной лексикой. Писателем используются партитивные фитонимы *лапа, ствол, ветвь*, объединенные значением «часть хвойного дерева», существительное *ряд*, обозначающее «совокупность чего-л.», лексема *конус*, свидетельствующая о форме кроны референта фитонима хвойного дерева, существительные *тень* в значении «неосвещенная область» и *запах* в значении «свойство предметов, веществ действовать на обоняние»; вводится ряд словесных единиц в переносных значениях — *толпа* (перен.), *рать* (перен.), т. е. «скопление чего-л., непомерное количество», *плюш* (перен.) в значении «зеленый покров», *шепот* (перен.) в значении «слабый, едва слышимый шум», *жара* (перен.) в значении «пекло, духота, от которой не спасает даже тень». Например: «*Лапы елей*

висят неподвижным навесом, / И запуталась хвоя в сухих паутинах...» [17, с. 231]; «...На диких скалах, среди развалин — / **Рать кипарисов**» [17, с. 301]. Подобная сочетаемость фитонимов хвойных деревьев не только способствует детализации флористических образов, акцентируя внимание читателя на их внешних характеристиках, но и формированию художественных образов разных природно-культурных ландшафтов. Например, в стихотворении «Ночью в июле» (1901 г.) сочетание «*лапы елей*» помогает конкретизировать художественный образ леса («*Лапы елей висят неподвижным навесом, / И запуталась хвоя в сухих паутинах...*» [17, с. 231]); а в стихотворении «Учан-Су» (1900 г.) сочетание «*сосен шепот*» наряду с гидронимом Учан-Су, апеллятивами *горы*, *бор* (южный) включается в круг средств экспликации горного культурного ландшафта Крыма («*А горы в синей вышине! / А южный бор и сосен шепот!*») [17, с. 202].

Результатом антропоморфизации природного мира в лирике И.А. Бунина становится предикативная связь фитонимов ЛСГ «Хвойные деревья» с глаголами со значением «совершать колебательные движения», «принимать наклонное положение», «находиться в вертикальном положении», «пребывать в полусонном состоянии», «издавать невнятный шум», «начать двигать», «холодеть, замерзать», «собираться толпой», «издавать тихий звук», «прислушиваться», «стать неподвижным» и др. (глагольные лексемы *завдвигать*, *замереть*, *клонить*, *стыть*, *петь*, *толпиться*, *внимать* (устар.), *молодеть* и т. д.). Например: «*Льет без конца. В лесу туман. / Качают елки головою...*» [17, с. 231] или «*И кипарис, над Ним шумящий, / Ему шептал во тьме ночной...*» [17, с. 159]. Метафорическая модель «хвойное дерево — человек» является одной из регулярных в поэзии И.А. Бунина. Физическое состояние или действия референтов фитонимов ЛСГ «Хвойные деревья» определяются сменой сезонов, дня и ночи: осенью они *стонут* и *ропщут*; зимой *дремлют*, занесенные снегом, а вечерами *молчат* во мраке. Флористические метафоры Бунина-поэта, связанные именно с хвойными деревьями, часто основаны на зрительном восприятии положения человека в пространстве, совершении им каких-либо действий или, напротив, отсутствии таковых (типа *качать* (головой) / *стоять* (смирно)); на слуховом восприятии особенностей тона его речи (типа *шептать*); на фиксации его физического состояния через внешние признаки (типа *дремать*).

Поскольку референт каждого фитонима ЛСГ «Хвойные деревья» имеет уникальный аромат, эти единицы легко вступают в присловную связь с глаголом *пахнуть*. У И.А. Бунина этот глагол сочетается в основном с двумя фитонимами — *ель* и *сосна*, причем запах *ели* особенно сладок и приятен лирическому герою. Например: «*Рыжими иголками / Услан косогор, / Сладко пахнет елками / Жаркий летний бор*» [17, с. 152]. Словосочетания типа *сладко пахнет* фиксируют явление синестезии, когда запах связывается с определенным вкусовым ощущением, и свидетельствуют об интерпретации И.А. Буниным всех поступающих сигналов «в единстве различных видов сенсорики» [22, с. 7], отсылая к межчувственной ассоциации как характерному приему его идиостиля.

Когда анализируемые фитонимы у Бунина-поэта образуют сочиненный ряд, то обычно он двучленен и включает номинации *ели* и *пихты*, *ели* и *сосны*: «*От пихт и елей в горнице темней, / Скучней, старинней*» [17, с. 280]. Встречаются однородные ряды, составленные не только из фитонимов ЛСГ «Хвойные деревья», но и с участием фитонима *береза* из ЛСГ «Неплодовые лиственные деревья», который является культурно значимой номинацией, имеющей широкий метафорический потенциал (стереотипные значения фитонима — «красота», «печаль», «молодость», «девичья чистота» и др.) как в фольклорных текстах, так и в художественной речи: «*Ночью в полях, под напевы метели, / Дремлют, качаясь, березки и ели...*» [17, с. 105]. Называя деревья, типичные для русского ландшафта (ель, сосна, береза), Бунин-поэт удивительно точно описывает природный ландшафт лесостепной зоны России, пусть и не такой яркий, как европейский или восточный, но пронизанный восхищением и любовью.

Выводы

Таким образом, состав ЛСГ «Хвойные деревья» в стихотворениях И.А. Бунина представлен 11 лексемами: 7 основными (*ель, кедр, кипарис, лиственница, пихта, сосна, тис*) и 4 связанными с ними отношениями производности (*елка, елочка, маг-кипарис*) или вариантности (графико-фонетический вариант *купарис*).

Единицы рассматриваемой группы, согласно данным авторской картотеки примеров, Национального корпуса русского языка и «Словаря языка поэзии И.А. Бунина» Г.С. Журавлевой и Р.И. Хашимова, отличаются разной частотностью реализации в поэтической речи. Наиболее активным являются следующие фитонимы: *сосна, кипарис/купарис* и *ель*, суммарно насчитывающие по перечисленным источникам 78/111/111 словоупотреблений соответственно.

Номинации растений в лирике И.А. Бунина обнаруживают устойчивые синтагматические связи с определенным кругом субстантивной (в основном партитивные фитонимы и некоторые лексемы типа *толпа, рать, шепот*, реализующие в контекстах переносные значения), атрибутивной (прилагательными, имеющими в семемах семы 'цвет', 'эмоция', 'запах', 'возраст', 'место' и др.) и глагольной лексики (ЛСГ «Глаголы состояния», «Глаголы положения в пространстве», «Глаголы движения», «Глаголы речемыслительной деятельности» и др.). Выявленная комбинаторика свидетельствует о реализации на уровне использования фитонимического инструментария, в частности ЛСГ «Хвойные деревья», нескольких характерных приемов Бунина-художника: выразительность детали, цветопись, межчувственная ассоциативность, одушевление природы.

Фитонимы анализируемой ЛСГ участвуют в создании символических флорообразов поэтических текстов и формировании художественных образов различных геокультурных пространств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов И. Специфика языка миров Ивана Бунина / И. Смирнов. — Польша, Лодзь: Лодзинский университет, 2022. — 115 с. — URL: <https://i.twirpx.one/file/4159809/> (дата обращения: 12.04.2025).
2. Грановская Л.М. Из наблюдений над языком И.А. Бунина (О некоторых особенностях употребления определений-прилагательных) / Л.М. Грановская // Ученые записки Азербайджанского педагогического института языков им. Мирза Фатали Ахундова. Сер.: Филология. — 1961. — Вып. 9. — С. 258–266.
3. Кожевникова Н.А. Избранные работы по языку художественной литературы / Н.А. Кожевникова; Под общ. ред. З.Ю. Петровой. — М.: Знак, 2009. — 896 с. — URL: <https://lib.tsu.ru/mminfo/2013/000373565/000373565.pdf> (дата обращения: 12.01.2025).
4. Курносова И.М. Очерки лексикологии и лексикографии языка писателей Центрального Черноземья (А.И. Эртель, И.А. Бунин, Е.И. Замятин): монография / И.М. Курносова. — Елец: Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, 2009. — 220 с.
5. Краснова Т.В. Российская топонимия в художественной прозе И.А. Бунина: монография / Т.В. Краснова. — Воронеж: ООО «Кор-Норд, 2005. — 168 с.
6. Мещерякова О.А. Индивидуально-авторская концептосфера И.А. Бунина в ее репрезентации средствами свето- и цветообозначений: монография / О.А. Мещерякова. — Елец: Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, 2007. — 209 с.

7. Павлюченкова Т.А. «Прозрачен стих, как северный апрель»: фонека поэзии И.А. Бунина / Т.А. Павлюченкова. — Смоленск: Смоленский государственный университет, 2007. — 208 с.
8. Павлюченкова Т.А. «Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне»: лексика поэзии И.А. Бунина / Т.А. Павлюченкова. — Смоленск: Смоленский государственный университет, 2008. — 382 с.
9. Николина Н.А. Метаязыковые комментарии в прозе И.А. Бунина / Н.А. Николина // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. — 2020. — № 4. — С. 35–42. — DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-35-42. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44025444> (дата обращения: 11.05.2025).
10. Николина Н.А. Экспрессивные словообразовательные средства в прозе И.А. Бунина (к 150-летию со дня рождения) / Н.А. Николина // Русский язык в школе. — 2020. — Т. 81. — №. 6. — С. 57–62. — DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-6-57-62. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44237504> (дата обращения: 11.05.2025).
11. Шаповалова Т.Е. Номинативные предложения с детерминирующими словоформами в поэтических текстах И.А. Бунина / Т.Е. Шаповалова // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. — 2020. — № 4. — С. 60–67. — DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-60-67. — URL: <https://www.philologymgou.ru/jour/article/view/153> (дата обращения: 09.06.2025).
12. Селеменева О.А. «Я жажду жить и живу... тысячами чужих жизней»: мультимифологизм в ономастическом коде И.А. Бунина-поэта / О.А. Селеменева // Русская речь. — 2024. — № 5. — С. 108–118. — DOI: 10.31857/S0131611724050095. — URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2024-5/108-118> (дата обращения: 11.09.2025).
13. Павлюченкова Т.А. Язык поэзии И.А. Бунина и древнерусская литература: некоторые связи и параллели / Т.А. Павлюченкова // Известия Смоленского государственного университета. — 2015. — № 4(32). — С. 16–28. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25294350> (дата обращения: 12.09.2025).
14. Павлюченкова Т.А. Фитонимическая лексика в языке поэзии И.А. Бунина / Т.А. Павлюченкова // Известия Смоленского государственного университета. — 2014. — № 2(26). — С. 35–48. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21813666> (дата обращения: 10.12.2024).
15. Гаршина Е.А. Концепт «Сад» как доминанта лексико-семантической группы «Лес, парк, роща, огород», репрезентирующей пространство в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» / Е.А. Гаршина // Мир науки, культуры, образования. — 2013. — № 5(42). — С. 329–332. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-sad-kak-dominanta-leksiko-semanticheskoy-gruppy-les-park-roscha-ogorod-reprezentiruyuschey-prostranstvo-v-romane-i-a-bunina-zhizn/viewer> (дата обращения: 02.10.2025).
16. Селеменева О.А. Лексико-семантическая систематика фитонимов в поэтических текстах И.А. Бунина / О.А. Селеменева, Н.А. Бородин // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 177–195. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-177-195. — URL: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/6463> (дата обращения: 09.09.2025).

17. Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 1 / И.А. Бунин; Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т.М. Двинятиной. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. — 544 с.
18. Кулева А.С. Названия растений как часть поэтического лексикона (на материале «Словаря языка русской поэзии XX века») / А.С. Кулева // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. — 2023. — № 3(8). — С. 61–72. — DOI: 10.34680/VERBA-2023-3(8)-61-72. — URL: <https://verba.press/index.php/journal/article/view/91> (дата обращения: 12.07.2025).
19. Черкасова А.А. Структурно-семантическая классификация билексем / А.А. Черкасова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2012. — Т. 1. — № 17. — С. 69–74. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-semanticheskaya-klassifikatsiya-bileksem/viewer> (дата обращения: 21.04.2025).
20. Усманова Л.А. Семантическая сфера «Природа» в художественном дискурсе И.А. Бунина: лингвокультурологический аспект / Л.А. Усманова // Филология и культура. — 2012. — № 3(29). — С. 78–81. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-sfera-priroda-v-hudozhestvennom-diskurse-i-a-bunina-lingvokulturologicheskiy-aspekt/viewer> (дата обращения: 12.03.2025).
21. Бердникова О.А. Особенности весеннего хронотопа в поэтическом творчестве И.А. Бунина / О.А. Бердникова, Е.В. Нестерова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. — 2014. — № 2. — С. 22–25.
22. Прокофьева Л.П. Синестезия в современной научной парадигме / Л.П. Прокофьева // Известия Саратовского университета. Сер.: Филология. Журналистика. — 2010. — Т. 10. — Вып. 1. — С. 3–10.

Selemeneva Olga Alexandrovna

Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

E-mail: ol.selemeneva2011@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0488-8428>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=513229

Lexical-semantic group of phytonyms «Coniferous Trees» in I.A. Bunin's lyrics

Abstract. The article raises the question of Bunin's artistic language, in particular, the choice of phytonymic tools in the individual author's worldview. Its relevance is explained by the long-standing interest of philologists in Bunin's idiostyle; the special significance of depicting nature and landscapes in his artistic legacy; and the limited character of existing scientific descriptions of the choice of lexical means for explicating the external natural world. The purpose of the article is to identify the composition of the lexical-semantic group «Coniferous Trees» in the poetry of Ivan Bunin and to establish the features of their syntagmatic connections in contexts. The research material was the scientific edition of Bunin's poetry (2014). The author's card index of examples was formed by 237 phytonyms extracted from the publication by the continuous sampling method. It was established that Bunin's phytonymic system includes 22 lexical and semantic groups of phytonyms, one of which is «Coniferous Trees». The analyzed group consists of ten single-word lexemes and one bi-lexeme. There are relations of optionality or derivation between them. The most frequent lexemes in Bunin's poetic speech are pine (сосна), cypress (кипарис), and spruce (ель). In poetic contexts, the phytonyms of the group under consideration enter into syntagmatic relations with a certain range of substantive, attributive, and verbal lexemes. Thus, it is noted that they can be combined with substantives that have figurative meanings; adjectival lexemes with the semes 'color', 'emotion', 'smell', etc.; verbs with the meaning of state, spatial position, speech and mental activity, etc. The author concludes that the marked combinatorics of units indicates the implementation of several characteristic techniques of Bunin's idiosyncratic style, such as emphasis on details, anthropomorphization of nature, color imagery, and synesthesia.

Keywords: I.A. Bunin; poetic language; phytonym; referent; lexical-semantic group; floral image; syntagmatic connection